

УДК 800 (075.8)

Символизация культуры в языке

Р. П. Мильруд

В статье изложена интерпретация известного современной лингвистике тезиса об отражении культуры в языке. Предлагается различать такие носители культурной информации, как языковые метки, языковые ориентиры и языковые коды. Материалы, представленные в статье, могут быть использованы при разработке лингвистических курсов для студентов, обучающихся по профилю «Теория и методика обучения иностранным языкам и культурам».

Ключевые слова: символ культуры; векторы культуры; измерения культуры; метки культуры; ориентиры культуры; коды культуры.

В исследованиях символов культуры пока еще недостаточно внимания уделяется изучению языковых форм. Исключение составляет культурно маркированная лексика [Буланин, 1995]. Внимание ученых больше привлекает визуальная сторона культуры – археологические артефакты, старинные монументы, странные предметы, эксцентричные поступки, необычная пища, любопытные ритуалы, загадочные обряды и необъяснимое поведение [Quindi, 2004]. Вместе с тем языковые знаки любого уровня сложности, в том числе морфологического и синтаксического уровня – части речи и члены предложения, тексты и гипертексты, – очевидно, не могут не содержать в себе информацию, важную для понимания культуры иного народа. Это предположение основано на том, что язык представляет

собой знаковое воплощение коллективной памяти носителей культуры и служит социальным символом.

К этому можно добавить, что языковое поведение столь же обусловлено культурой, как и система «неязыковых поступков». Языковое поведение «продолжает культуру» по аналогии с неязыковым, и обе формы поведения, пересекаясь, являются, по сути, неразделимыми [Senft, 2009].

Культурно наполненный языковой знак, как и «обычный» знак языка, имеет форму и содержание, однако он соотносится не просто с объектами и процессами окружающего мира, а с явлениями культуры, значимыми в социуме. Речь идет о культурной семиосфере (по Ю. Лотману): языковые знаки столь же символичны в культурном отношении, как и неязыковые средства выражения культуры. При этом если декодирование семантики языковых знаков хотя бы частично формализовано с помощью словарей и тезаурусов, то культурные импликации языка пока еще представлены разрозненно.

Работа с культурным кодом представляет собой расшифровку закодированной информации. С одной стороны, культурная семиотика гетерогенна: символы принадлежат единому культурному пространству. Вместе с тем она асимметрична: разные аспекты одной культуры находят выражение в знаках с разной степенью определенности и полноты. Культурное пространство имеет свои границы, которые отличаются проницаемостью, условностью и абстрактной относительностью, что делает невозможным указание на окончание «одной культуры» и начало «другой». В то же время культуры познаются в противопоставлении, однако известно немало случаев, когда символы одной культуры столь же успешно принадлежат и другой культуре [Лотман, 1999].

Важность исследования языковых символов объясняется тем, что культурные значения присущи им так же, как материальным объектам, которые являются предметом внимания этнографов. Под-

черкнем, что за языковым знаком как культурным символом скрывается не значение, а культурное содержание.

Символы в языке могут функционировать как **метки, ориентиры и коды культуры**.

Метки культуры – это такие языковые символы, которые указывают на этнографически значимые объекты, на предметы быта, специфичные для какого-либо языкового сообщества, позволяя распознать культуру и отличить ее от другой по этим простым признакам.

Ориентиры культуры – это языковые символы, ориентирующие наблюдателя в культурных признаках, указывающие направления, в которых можно истолковать и распознать отличия данной культуры от другой по наблюдаемым явлениям.

Коды культуры – это языковые символы, требующие дешифровки на основании глубокой и всесторонней интерпретации и позволяющие распознать культуру по ее векторам и измерениям.

Отличие языковых символов культуры друг от друга состоит не только в глубине скрываемой информации, но и в «скорости сообщения». Так, метки культуры можно отнести к символам «быстрого сообщения», ориентиры представляют собой символы «замедленного сообщения», а коды культуры есть символы «медленного сообщения». Расшифровка символических кодов культуры требует наибольшего времени и усилий наблюдателя. Объясняется это тем, что метки указывают на информацию, лежащую на поверхности культурных феноменов, ориентиры доступны наблюдению и при этом нуждаются в объяснении и интерпретации, коды же останутся непонятными без их глубокого и нередко преодолевающего противоречия декодирования путем анализа явлений, их интерпретации и формулирования предположений.

Языковые метки этнографического характера. Еще со времен пионерских исследований Э. Сепира и Б. Уорфа [Sapir, 1958;

Whorf, 1956] внимание исследователей привлекали языковые знаки, служившие индексами культуры, указывавшими на те или иные этнографические особенности жизни народа, включая особенности окружающей природы.

Классические исследования взаимосвязей языка и культуры показывают, что у народов севера, где большую роль играет снег, существует множество слов для обозначения этого природного явления. Например, в языке эскимосов существует около ста слов (именно слов, а не фраз) для обозначения *неподвижного снега, снега с коркой, падающего крупными снежинками снега, медленно падающего снега, растаявшего и вновь замерзшего снега, строительных блоков из твердого снега, блестящего на солнце снега, мерцающего при луне снега, первый снег в году, падающий на воду снег, растаявший снег, обычный снег и др.* [Inuit Language..., 2011]. Заметим, что язык эскимосов относится к инкорпорирующим языкам, в которых слово способно выражать смысл целого предложения, иначе говоря, в аналитических языках такое слово заменила бы фраза из нескольких самостоятельных в формальном и звуковом отношениях слов. Тем не менее, регулярное употребление множества слов для обозначения ситуаций, связанных со снегом, характерно для культуры северных народов. Это означает, что культурные особенности языка проявляются не в том, что можно или нельзя сказать на этом языке, а в том, что реально и регулярно говорится на этом языке.

Наблюдения показывают, что в иврите – языке народа, для которого в силу природных условий большое значение имеют дожди, – есть следующие слова для обозначения дождя: *гешем* (обычный дождь), *матар* (ливень), *тифтүф* (накрапывающий), *йоре* (первый дождь после лета), *малькош* (последний дождь после зимы перед сухой), *сэара* (буря с грозой и ветром). Эти слова являются метками особых природных условий, накладывающих отпечаток на местную культуру.

Языковые знаки могут указывать и на пищевые предпочтения нации. Показательно, например, что в корейском языке контекстное окружение слова *рис* представлено множеством слов: *семена риса, растение риса, очищенный рис, неочищенный рис, приготовленный рис, смешанный очищенный и неочищенный рис, клейкий неочищенный рис, твердый очищенный рис, жареный рис, рисовая лепешка, рисовое пирожное* и др. [Korean Language..., 2006]. Можно привести немало подобных примеров.

Языковые метки социального феномена «уважение» в коллективных культурах. Перейдем к анализу языковых знаков как меток, значимых для описания межличностных отношений. Например, для культур, развивающихся в «коллективном векторе», уважение как социальный феномен имеет большое значение. Языковые метки признания места человека в иерархии власти и влияния можно назвать «индикаторами уважения» (honorifics). Вероятно, языком-чемпионом в этом отношении является японский язык, где количество слов-индикаторов приближается к двум десяткам. Принято выражать уважение к *равному себе, любимому человеку, младшему по статусу, высокому должностному лицу, старшему коллеге, учителю или профессору, незнакомому человеку, представителю профессии, подозреваемому, обвиняемому, осужденному, к себе (принижая свою роль), к своей компании (принижая роль своей компании по сравнению с компанией-партнером), к чужой компании, императорской фамилии, официальному титулу, владеющему боевым искусством, членам семьи и др.* [Miller et al., 2010].

Аналоги можно найти в русском языке досоветского периода. Например, по отношению к постороннему традиционно использовалось обращение «*Почтеннейший!*». Существовали и формы выражения уважения к человеку как имеющему высокий социальный статус. В советское время многие индикаторы уважения были утрачены под влиянием идеологии «демократического централизма».

В современном русском языке уважение выражается предпочтением местоимения «Вы» слову «ты»: недопустимо употреблять местоимение *ты* («тыкать»), если собеседник занимает более высокий статус в социальной иерархии.

Развитая система индикаторов уважения к человеку имеется в корейском языке, однако классификация здесь иная. Наряду с уважительными наименованиями лиц (родителей, старших сестер, братьев, других родственников) есть уважительные глаголы (ср. рус. *барин почивает* или *изволил откушать*). Имеются самоуничижительные обращения к другим людям (ср. рус. *Ваш покорный слуга*), что весьма типично для азиатских культур, которые неслучайно имеют название *self-effacing cultures*. Важно подчеркивать равный статус собеседников, выражать почтение к учителю, употреблять формулы уважения в деловых письмах, соблюдать этикет, особенно в торжественных ситуациях, подчеркивать высокий статус собеседника [Brown, 2011].

Наличие развитой системы индикаторов уважения в корейском языке символизирует коллективность культуры его носителей. Отметим также, что во многих культурах, например, западноевропейской, неуважительно по отношению к человеку подчеркивать его старость. В английском языке существуют эвфемизмы, смягчающие негативные коннотации: пожилых людей называют *senior citizens* – буквально «старшие граждане». В китайском языке, символизирующем коллективную культуру, подобных языковых уловок нет, так как старость уважаема, почитаема, признается социальной ценностью.

Для сравнения приведем индикаторы уважения в иврите, где культура народа с древних времен характеризуется обращенностью в прошлое, в то время, когда зарождались незыблемые и священные для носителей этой культуры национальные традиции. Особенностью меток уважения здесь является то, что слова адресованы

не только живым, но и «перешедшим в мир теней» людям, которые дифференцируются «по рангу» [Judaism and Islam..., 2000]. Языковые знаки способны символизировать разную меру уважения к погибшим мученикам, религиозным деятелям, героям прошлого, заслуженным людям и обычным гражданам, ушедшим в мир иной.

Перейдем к рассмотрению ориентиров культуры в языке.

Языковые ориентиры фемининной и маскулинной культуры. Антропологические исследования показывают, что звуки речи могут функционировать как ориентиры, указывающие на такие измерения культуры, как фемининность и маскулинность [Cultural anthropology..., 2008].

Обратимся к гласным и согласным звукам речи и посмотрим на их соотношение в языках разных народов. Обычно количество гласных не бывает меньше пяти, а 20 % известных науке языков имеет в среднем 5 гласным фонем. Языки, где количество гласных звуков превышает их среднее количество и количество согласных, называются *вокалическими*. Языки, где доминируют согласные звуки, относятся к *консонантным*.

Русский язык насчитывает шесть гласных звуков и 37 согласных. Консонантизм в целом свойствен всем славянским языкам. Для сравнения: в английском языке 20 гласных звуков, включая дифтонги, и 24 согласных звука [Ladefoged et al., 2012]. Можно сказать, что в русском языке доминирует консонантизм, а в английском – вокализм.

В датском языке количество гласных – 23 фонемы, в голландском – 28, включая 12 долгих фонем, 10 коротких фонем и 6 дифтонгов. Этот ряд включает как стабильные фонемы, так и потенциальные дифтонги, а также возможные звуки речи в заимствованных словах [Collins et al., 1984]. Вокалическим по составу фонем является французский язык.

Напомним, что русская культура соответствует коллективному вектору развития с признаками фемининности, а «западные куль-

туры» (со времен германских племен) развиваются в направлении индивидуального вектора и маскулинности. Если учесть эти тенденции, то получается, что в «маскулинных» культурах количество гласных больше в сравнении с числом гласных в языковых системах представителей «фемининных» культур. Иначе говоря, доминирование вокализма соотносится с решительностью, наступательностью, активностью и даже агрессивностью носителей языка (вспомним викингов). Подобная тенденция подтверждается тем, что в языке кхмеров (Камбоджа) при самом большом алфавите, состоящем из 74 букв, насчитывается всего 12 «независимых» гласных звуков, а культура кхмеров отличается выраженными признаками фемининности, то есть образности, поэтичности, созерцательности, терпеливости и т. п. В одном из абхазских диалектов (культура абхазов имеет признаки «фемининности») функционируют только две гласные фонемы. [Hofstede, 2001].

Предположение о том, что вокализм языка свидетельствует о маскулинности культуры, подтверждается сопоставлением культур племен американских индейцев. Индейские языки функционируют в трех ареалах: на восточном атлантическом побережье США с чертами вокализма, на западном тихоокеанском побережье с чертами консонантизма, а также в центральном регионе со смешанными, промежуточными признаками. На востоке США, то есть на атлантическом побережье, в лесных районах вокруг озера Онтарио, на территориях, прилегающих к современному Нью-Йорку, жило большое племя ирокезов, куда входили чероки и др. Члены племени были искусными охотниками, отличались воинственностью, агрессивно защищали свою территорию от белого населения, – налицо признаки маскулинной культуры. На атлантическом западе США, в северной части, жило племя апачи, члены которого охотились, ловили рыбу, а также занимались сельским хозяйством. На южном западе индейцы пуэбло занимались рыболовством, а так-

же выращивали кукурузу, тыкву, бобовые и др. В отличие от ирокезов, которые много воевали, индейцы этих двух племен не отличались агрессивностью, хотя слово *апачи* означает 'воин'. Племя пуэбло практически не оказывало сопротивления американским поселенцам. Культура апачи и пуэбло имела признаки фемининности. Сравнение вокализма ирокезов с консонантизмом апачи и пуэбло вновь подтверждает выдвинутую гипотезу о соотносительности языка и культуры [Cirgiano, 2003].

Возможно, преобладание гласных фонем в маскулинных культурах в процессе эволюции объясняется обилием боевых кличей и прочих командных сигналов.

Языковые ориентиры времени. Рассмотрим системы грамматических времен в языках, учитывая концепции циклического и линейного времени, которые соотносятся с разными типами культур.

Грамматическое время по-разному выражено в разных языках, что подтверждается многочисленными лингвистическими данными. Общая тенденция состоит в том, что в культурах циклического времени (Китай, Таиланд, Вьетнам, Индия, Ближний Восток и др.) грамматическая категория времени (особенно будущее время) выглядит значительно проще, чем в культурах линейного времени (Англия, Германия, США и др.) [Tense Across Languages, 2011]. Более того, выражение грамматического времени в языках культур циклического времени не обязательно, так как отнесенность высказывания к какому-либо периоду интерпретируется с учетом контекста.

Показательным в этом смысле является иврит, где обнаруживается значительная разница между грамматическими временами современного иврита и языка Библии. В современном иврите есть три времени: прошедшее, настоящее и будущее. Казалось бы, такое четкое деление временной оси больше характерно для культур линейного времени. Противоречие разрешается просто в связи с

тем, что современный (стандартный) иврит воссоздан искусственно на рубеже XIX и XX веков. Обращение к классическому ивриту открывает совсем иную картину. В текстах Библии используются все три морфологических времени (настоящее, прошедшее и будущее), однако во многих случаях они соответствуют прошедшему времени. Именно так переведены тексты Ветхого завета на русский и английский язык. В оригинале на иврите обнаруживаются морфологически различимые формы прошлого, настоящего и будущего времени, однако они могут передавать значение прошедшего времени. В переводах на русский и английский язык эти глаголы даются в прошедшем времени. Переводчики исходили из культурной реальности. Подобное понимание грамматического времени обусловлено еще и тем, что в культурной традиции, символизируемой ивритом, понятие «время» нередко замещается понятием «пространство». Так в текстах Ветхого завета («Танах») бытует выражение «ле олям ва эд». В дословном переводе оно означает: «во всей вселенной и дальше». То есть, в оригинале Библии упоминается вечно и бесконечно продолжающееся пространство. В традиционных канонических переводах библейских текстов на русский и английский языки предлагается вариант «во веки веков». Идея безграничного пространства трансформируется в идею бесконечного времени. Бесконечное время больше соответствует его линейному восприятию с перспективой непостижимого и все удаляющегося будущего. Циклическое время «вращается» вокруг бесконечного пространства и именно беспределность этой территории оказывается в фокусе культуры циклического времени.

Будущее время отсутствует в арабском языке, где есть совершенный и несовершенный вид для обозначения прошедшего и будущего времени. Несовершенный вид может обозначать будущее, если он сопровождается соответствующим наречием или узнается по контексту [Khalil, 2000].

Будущее время отсутствует также в корейском языке, символизирующем культуру циклического времени, где есть только прошедшее и «не прошедшее» время. Нет будущего времени и в японском языке. В китайском языке грамматическое время отсутствует, а для того, чтобы отнести содержание высказывание к какому-либо периоду, используются частицы [Lee et al., 2000; Po-Ching et al., 2004; Tense Across Languages, 2011]. Все эти культуры объединяет не линейное (вперед, к будущему), а циклическое восприятие времени, где будущее, настоящее и прошлое едины в вечном существовании.

Интересно, что некоторые языки, соотносимые с культурами циклического времени, детальнее разрабатывают ретроспективу, чем перспективу. Например, в хинди различают три настоящих, два будущих и шесть морфологически маркированных форм прошедшего времени. В испанском языке есть два настоящих времени, два будущих времени и девять прошедших времен (есть и другие, но реже употребляющиеся). Напомним, что испанская культура во многом формировалась под влиянием мусульманского мировоззрения.

Вслед за А. А. Потебней попутно заметим, что будущее время редко употреблялось в древнерусском языке: совершенный вид настоящего времени стал выполнять функцию будущего [Потебня, 1941].

Для сравнения укажем, что английское грамматическое время символизирует не циклическую, а линейную культуру. Для обозначения ретроспективы, настоящего и футуристической перспективы есть немало языковых средств.

Для языка культур линейного времени характерно маркированное сослагательное наклонение, которое есть во всех основных европейских языках, включая английский, немецкий, голландский, французский, итальянский и др. Культурологическое сравнение показывает, что сослагательное наклонение есть, по всей видимости, только в культурах линейного времени. Например, в английском

языке существует сложная система выражения предполагаемых действий и реальных или нереальных условий в отнесенности к прошлому, настоящему и будущему. Изучение этой системы предположительности, нереальности представляет собой непростую задачу для тех, кто изучает английский язык. Само наличие такой системы языковых средств показывает, что в рамках культуры линейного времени можно произвольно перемещаться «по линии» времени, в то время как над циклическим временем, которое фактически отождествляется с вечным и неизменным пространством, человек не властен.

Цикличность времени, характерная для коллективных культур, проявляется в отсутствии сослагательного наклонения. Действительно, сослагательное наклонение («Я мог бы, если бы ...») означает, что говорящий рассматривает более или менее реальную возможность изменить естественный ход событий. Подобное видение времени наблюдается в культурах линейного времени, где провозглашается идея «сказку сделать былью» и, меняя настоящее, изменить будущее. Даже прошлое можно пересмотреть и увидеть по-иному. «Сослагательная» философия бессмысленна в коллективных культурах циклического времени, и, вероятно, этим можно объяснить то, что в корейском, китайском, ирландском, финском, иврите и других языках аналогичных культур нет сослагательного наклонения.

В арабском языке «сослагательное наклонение» выражает желание, желательность или необходимость действий, никогда не затрагивая указание на время, которое неизменно. Подобные языковые особенности характеризуют коллективные культуры циклического времени, выступая их культурным символом. В иврите обращение учителя к ученику с фразой типа «Я бы хотел, чтобы ты вел себя иначе» звучит в дословном переводе следующим образом: «Я хочу ты ведешь себя иначе». Этот пример показывает, что грамматически оформленного сослагательного наклонения в иврите нет.

Морфологические и лексические ориентиры насыщенного и ненасыщенного контекста коммуникации. В некоторых культурах план содержания бывает значительно полнее плана выражения, все окружающее пространство насыщено и пронизано глубинным смыслом и контекстом. В высказывании многое подразумевается, но не выражается. К культурам с насыщенным контекстом коммуникации относятся культуры народов Азии (Японии, Вьетнама, Китая), арабского мира и некоторые другие.

Любопытным является тот факт, что языки культур с насыщенным контекстом коммуникации нередко игнорируют различие единственного и множественного числа. Например, ни в китайском, ни в корейском языке существительные не имеют форм множественного числа. Количество предметов становится ясным исходя из контекста общения [Perkins, 1992].

Обращает на себя внимание наличие во вьетнамском языке слов, при помощи которых обозначаемый объект не «называется», а «объясняется» с помощью «классификаторов». Например, «что-то похожее на сочинение» – песня, «объекты, похожие на палку» – растения, «то, что приводится в движение людьми» – машины, «то, что носят люди» – одежда, «место, где находится власть» – суд или парламент, «объекты круглой формы» – планета, фрукты, мяч, «тонкие объекты» – бумага, газета, книга [Daley, 1998]. Разумеется, для успешного понимания смысла сообщения с помощью классификаторов (classifiers) необходим насыщенный контекст коммуникации, типичный для вьетнамской и подобных ей культур.

Дейксис как ориентир для идентификации созерцательных культур. Культуры, пространство которых насыщено контекстом (high context cultures), нередко относятся к «созерцательным»: языковыми средствами отражаются по преимуществу реально наблюдаемые объекты, явления и процессы.

В «высоко контекстных» культурах встречается языковая символика, указывающая на местоположение предметов в пространстве с учетом наблюдаемой географической реальности. В языках американских индейцев для указания местоположения предмета на столе говорится, что он находится *к востоку от центра стола*. Типичные китайские фразы в таких случаях следующие: *на востоке стола, на юге стола, на западе стола, на севере стола* [Po-Ching, 2004].

По аналогии с китайской языковой традицией в речи австралийских аборигенов с их созерцательным восприятием мира встречаются фразы вроде: *Что это у тебя на северной стене комнаты?* и под. Возможно даже выражение *твоя южная коленка*. На Гавайях указывают расположение предметов так: *по направлению к горам, по направлению к океану*. Некоторые признаки созерцательной культуры можно обнаружить в дейксисе русского языка, символизирующего ментальность, в некоторой степени сформированную под влиянием восточных традиций: *южное окно, северная комната, западная сторона дома, восточная часть храма* и др.

В отличие от созерцательных культур Востока, европейская языковая традиция в подобных ситуациях нередко определяет местоположение одного предмета относительно другого: *посреди комнаты, слева от тарелки, позади здания, вверх по улице, вниз по течению*.

Местоимения как ориентиры коллективных и индивидуальных культур. Языковым ориентиром для распознавания коллективных и индивидуальных культур являются различия в использовании местоимений, указывающих на человека. В коллективных культурах (Китай, Корея, Вьетнам, Япония) личные местоимения обычно не употребляются, хотя и существуют [Miller, 2001].

В соответствии с правилами коллективных культур, лучше обходиться без местоимений. Европейская бабушка скажет своему внуку *Я люблю тебя*, а вьетнамка построит предложение иначе: *Бабушка любит своего внука* [Perkins, 1992]. Учитывая особую важность

межличностных отношений в коллективных культурах, интересным представляется то, что в корейском языке существуют разные местоимения второго лица. Местоимение *ты / вы* корейцы стараются не употреблять в случаях, если надо указать на человека. Более употребительны другие местоимения второго лица, в которых передается теплое отношение к близкому человеку. Помимо этого существуют три местоимения второго лица, выражающие разную «степень» вежливости. Есть местоимение (суффикс), употребляемое вместе с именем. Другое местоимение используется с фамилией. Есть также суффикс для образования слова, служащего неформальным обращением к близкому человеку [Perkins, 1992]. Подобные языковые особенности можно считать средствами символизации коллективной культуры. Аналогично в русском языке местоимение второго лица способно выражать не только значения единственного и множественного числа, но и значение меры уважения к человеку. В ситуациях общения невежливым считается, указывая на человека, говорить *он / она* вместо имени.

Языковые ориентиры доказательности высказываний. Доказательность высказываний, или эвиденциальность (evidentiality), представляет собой коммуникативную характеристику культур в зависимости от терпимого или нетерпимого отношения к двусмысленности.

Обобщенно можно предположить, что в культурах с терпимым отношением к двусмысленности (восток) доказательность высказываний обеспечивается морфологическими средствами, в то время как в культурах с нетерпимым отношением к двусмысленности (запад), доказательность высказываний обеспечивается лексическими средствами. Преобладание морфологических или лексических средств доказательности высказывания предположительно можно отнести к языковой символике культур терпимых и нетерпимых к двусмысленности. Попытаемся проверить это предположение.

Доказательность высказывания обычно заключается в том, что говорящий уточняет источник и способ получения информации, указывая на то, что он сам лично что-либо видел, слышал или узнал от других, понял на основе рассуждений и т. п. [Studies..., 2003]. В некоторых неевропейских языках доказательность есть обязательная морфологическая категория, с помощью которой говорящий может подчеркивать, например, от какого количества свидетелей он узнал о происшедшем событии. В европейских языках, как правило, доказательность высказываний передается лексическим, а не морфологическим путем. Значит ли это, что морфологические средства выражения доказательности высказывания символизируют то или иное измерение культуры?

В языках бассейна реки Амазонки глагол в фразе *Собака утащила рыбу* обязательно будет содержать морфологический компонент со следующими возможными значениями: *Я видел это, Я слышал об этом, Я догадываюсь об этом, Мне сказали об этом.*

В некоторых языках Перу (Ягуа) существует морфологическая система повышения надежности высказывания: принято точно указывать на время, когда произошло событие: за несколько часов до разговора, один день назад, одну неделю или месяц назад, две недели или год назад, в отдаленном прошлом или, наконец, в легендарной древности.

Поскольку эти языки соотносятся с культурами, характеризующимися высоко насыщенным контекстом общения и терпимостью к двусмысленности, морфологическое выражение доказательности высказывания можно считать символом культур этого типа. Подобный предварительный вывод подтверждается примерами из китайского языка и его диалектов, где также существует система морфологических суффиксов для выражения доказательности высказывания и где культура терпима к двусмысленности в высоко контекстном пространстве.

Если «на востоке» отдается предпочтение морфологическим средствам выражения доказательности высказывания, то в западно-европейских языках используются лексические средства выражения эвиденциальности. При помощи слов указывается на то, что информация была воспринята на слух или на вкус, получена зрительно или путем прикосновения, узнана от других людей или почерпнута из средств массовой информации, извлечена из разных источников, иногда с поправкой на возможную ошибку (*За что купил, за то продал*) [Linguistic..., 2010].

Например, в английском языке наблюдаются следующие способы лексической эвиденциальности:

- свидетельство (He looked hungry),
- предположение (He seemed hungry),
- «из первых уст» (He said he was hungry),
- «своими глазами» (I saw he was hungry),
- «собственными ушами» (I heard he was hungry),
- косвенная речь (He was said to be hungry),
- логическое заключение (I guess he was hungry),
- предположение (He might be hungry),
- уверенность (Surely he was hungry).

Тщательность, с которой носителями английского языка подчеркивается надежность или ненадежность информации, неслучайна. Преобладание лексических средств выражения доказательности высказывания можно рассматривать как культурный символ, свидетельствующий о ненасыщенном контексте общения носителей культуры (запад).

Языковые коды культуры. Языковые коды вскрывают глубокие особенности культуры носителей языка, «механизмы» концептуализации реальности в соответствии с векторами и измерениями, которые свойственны данной культуре. Мировосприятие людей «кодируется» в текстах и гипертекстах. Именно тексты, особенно

гипертексты с их безграничностью, нелинейностью и многоплановостью, позволяют «декодировать» культурную информацию с достаточной степенью надежности. При этом предметом анализа может стать гипертекст метафор, которые функционируют в качестве средства выражения культурной ментальности, являясь одной из форм концептуальной картины мира. Признанным результатом такого анализа является вывод о том, что разные культуры нередко имеют разные метафоры [Lakoff et al., 1996].

Метафора рассматривается как средство языкового моделирования бытия человека по подобию окружающей природы (*время летит, чувства переполняют, жизнь течет, талант расцветает, глаза искрятся, душа разрывается* и т. п.). Предположение заключается в том, что разные культуры с помощью метафор по-разному кодируют присущие им векторы и измерения: коллективность и индивидуальность бытия, линейность и цикличность времени, насыщенность и ненасыщенность пространства коммуникативным контекстом. Рассмотрим в качестве примера метафорическое выражение концептов СЧАСТЬЕ и СТРАДАНИЕ, ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ в культурах с разными векторами и измерениями.

Приведем примеры декодирования векторов и измерений культуры с помощью указанных концептов в гипертекстах метафор разных культур. Поясним, что под *гипертекстом* понимается здесь некоторое множество текстовых метафор, связанных между собой посредством лексико-семантических «гиперссылок» и относящихся к одному из выбранных для анализа концептов. Метафоры как гипертекст удобны для анализа в силу их лаконичности. Метафоричными по своему языку нередко являются пословицы.

Характерным и, по-видимому, сходным для разных культур является символическое кодирование ментальности на примере концепта «жизнь». Воплощениями метафоры «жизнь – дорога» являются появившиеся в советскую эпоху развития российской культу-

ры выражения *величественный пятилетний путь, светлый путь, верная дорога, не свернуть с пути* и известное в Китае в период правления председателя Мао обозначение его как *великого кормчего*. В христианской культуре (православной, католической, протестантской) праведная жизнь представлена, как *прямой и широкий путь*, в то время как греховное существование закодировано как *извилистая и узкая дорога*, на которой существуют *препятствия* в виде искушений. *Споткнуться* – значит согрешить, не послушать пастуха, то есть господа [Kovescses, 2005]. Метафора жизненного пути, вероятно, кодирует линейное измерение времени, характерное для многих культур.

В буддистской культуре также встречается «дорожная» метафора жизни, однако есть и другие способы образно представить это значение. Например, в японской культуре жизнь сравнивается не только с *путешествием*, но и с *листочком на ветру, тяжелым грузом, цветущей вишней*. Эти, казалось бы, разные образы объединяет понимание того, что все в жизни преходяще, как и она сама. В связи с конечностью земного бытия человека оно метафорически трактуется не как линия, обладающая протяженностью, а как момент, мгновение [Brown et al., 2006].

В отличие от понятия «жизнь», репрезентированного в разных языках похожими метафорами, концепт «счастье» имеет неодинаковое наполнение в отдельно взятых культурах. Например, для американской ментальности счастье – это личная заслуга каждого. Счастье можно получить в качестве трофея. Им можно гордиться как собственным достижением. Его можно удерживать в руках всю жизнь. Согласно российской ментальности, добиться счастья не просто: оно зависит от везения, легко ускользает из рук и отличается хрупкостью, иллюзорностью. Корейцы убеждены: каждому заранее определена судьбой мера счастья и страданий. По их мнению, имея счастье сегодня, следует обязательно готовиться к завтрашним

испытаниям. Именно поэтому у представителей корейской культуры нет такого, как у жителей запада, стремления поскорее добиться счастья [International..., 2010]. Сказанное позволяет сделать предварительный вывод о том, что в концепте счастья, выявляемом на материале корейского языка, закодировано представление о циклическом (не линейном) времени.

Анализ показывает, что метафоры счастья в языках разных культур имеют как общие, так и отличительные черты. В китайском языке отсутствуют русские метафоры *седьмого неба* и *птицы счастья*, выявляемый в английской идиоме образ *отрывания от земли*, нет и выражения, подобного русскому *глаза сияют от счастья*, но есть собственная метафора, своеобразная для китайской культуры с ее традициями самонаблюдения и медитации: счастье – это *цветок, распускающийся в сердце*.

Подчеркнем, что в культурах, где особое значение имеет уважение к другой личности и не принято прямо указывать на другого человека с помощью местоимений, рассматривать других людей (Корея), в описании природных и других явлений отсутствует метафора лица. В корейском языке небо не *хмурится*, солнце не *улыбается*, день не *плачет* дождем, погода не *шепчет*, звезды не *подмигивают*, у судьбы нет *гримас* и т. п.

В китайском языке, как и в японском, почти не встречаются метафоры, связанные со страданием. Это объясняется тем, что буддистская философия отрицает существование страдания как жизненной реальности, а объясняет это тяжелое переживание неумностью человеческих желаний и неспособностью видеть красоту мира. Китайская мудрость заключается в том, что *страдание можно прекратить, если прекратить желания* [Roberts, 2010]. Аскетизм – норма для культур с коллективным вектором развития и циклическим восприятием времени, когда удовольствия и страдания в человеческой жизни распределены поровну и в любом случае проходят. Это еще

одно подтверждение предположения о том, что метафоры страдания можно использовать для декодирования коллективного вектора развития культур со всеми присущими таким культурам измерениями, включая «циклическое время».

Дополним сделанные наблюдения тем, что в русском и английском языке *счастье наполняет, гнев разрывает* (сравните: *лопнуть от злости*), *ревность сжигает*. Метафоры сосуда, воды, огня известны лингвистической антропологии как знаки культурных универсалий (в некоторых языках этих образов нет, например, в языке зулу, где иная картина: от гнева человек *немеет, болеет, потеет, плачет, перестает дышать*). Иногда один образ из ряда возможных является доминирующим. Так, китайский язык предпочитает метафору огня (человек *пылает* от гнева) и мало обращается к метафорам сосуда и воды [Kovecses, 2000]. Очевидно, это связано с тем, что культуры циклического измерения времени акцентируют внимание на огне как символе судьбы, очищения, разрушения, силы и таинства вечной жизни.

Еще более характерны различия между культурами в кодировании глубинных векторов и измерений посредством концепта смерти. Анализ показывает, что в культурах с линейным временем смерть воспринимается как *конец пути*, а в культурах с циклическим временем – как *переход к иному бытию, начало вечности, вечный сон, этап существования, избавление от страданий, награда за страдания, конечный путь, встреча с вечностью, возвращение домой, освобождение от бесконечного вращения колеса жизни* и др. [Death..., 2003]. Буддистские воззрения добавляют к этому пониманию идею *возрождения (rebirth)*, подчеркивая, что переход настоящего в прошлое предполагает и превращение прошлого в будущее. Отметим, что идея смерти как освобождения в индуистской культуре означает также нежелательность возрождения и возвращения в жизнь к новым испытаниям и страданиям. Возрождение

после смерти, таким образом, не является наградой за праведную жизнь, хотя дает шанс искупить прежние грехи и достигнуть более высокого уровня очищения [Kübler-Ross, 1986]. Таким образом, культуры линейного измерения времени отрицательно относятся к смерти, в то время как культуры, в которых время трактуется как циклическое, с готовностью включают смерть в естественный цикл вечного бытия, что выражается в метафоре *колеса вечности*. Этот образ исключает возможность интерпретации «смерть – переход в иное состояние». Становится понятно, почему в культурах циклического времени непопулярно долгосрочное планирование своих дел. Смерть, непредсказуемая и неожиданная, является главной перспективой, что делает бессмысленным планирование событий, соблюдение сроков, завершение проектов, достижение целей и переживание триумфа.

Переходы в метафорическом гипертексте дают возможность полнее изучить разные измерения культуры и даже выйти на анализ ее векторов. Например, с помощью китайских метафор можно декодировать не только циклическое измерение времени, но и насыщенное контекстом культурное пространство. *Желтая река* понимается в китайской культуре как граница между формами бытия «здесь» и «там», отсюда выражение: *Не останавливайся, пока не достигнешь Желтой реки*. Выражение как *Восточное море* используется для передачи смысла ‘много’ при оценке «меры счастья»: *Желаем счастья как Восточное море*. Даже названия городов «наполнены контекстом»: *Беспечный может потерять Ханчжоу* (имеется в виду историческое событие).

Дальнейшие переходы в гипертексте метафор открывают другие особенности китайской культуры, требующие декодирования: *Тот, кто не соглашается со своими врагами, тот подчиняется им; Мудрец принимает решение, глупец слушает других; Если хочешь счастья на всю жизнь, сделай счастливым другого; Для своего успеха*

спроси трех стариков; Чтобы другие не узнали, не делай; Самый лучший друг тот, кто возвращается издалека и т. д. Аналогичные наблюдения можно сделать на примере пословиц других культур.

Путешествие по гипертексту метафор позволяет «декодировать» векторы и измерения культуры, в частности, ее коллективность или индивидуальность, циклическое или линейное восприятие времени, насыщенное или ненасыщенное контекстом культурное пространство.

Литература

1. Буланин Д. Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / Д. Буланин. – Санкт-Петербург : Институт русской литературы, 1995. – 398 с.
2. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров : Человек – Текст – Семносфера – История / Ю. М. Лотман ; Тартуский университет. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 447 с.
3. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. – Москва : Академия наук СССР, 1941. – 318 стр.
4. Brown J. China, Japan, Korea : Culture and Customs / Ju Brown, John Brown. – North Charleston : Book Surge, 2006. – 191 p.
5. Brown L. Korean Honorifics and Politeness in Second Language Learning / L. Brown. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2011. – 311 p.
6. Cipriano J. Native Americans / J. Cipriano. – New York : Benchmark Education Company, 2003. – 118 p.
7. Collins B. The Sounds of English and Dutch / B. Collins, I. Mees. – Leiden : Leiden University Press, 1984. – 293 p.
8. *Cultural anthropology : the human challenge* / W. A. Haviland, H. E. L. Prins, D. Walrath [et al.]. – 12. ed. – Belmont (CA) [etc.] : Wadsworth : Thomson Learning, 2008. – XXXII, 424 p.
9. *Culture and Language Use* / ed. : Senft G., Östman J.-O., Verschueren J. – Sydney : John Benjamins Publishing Company, 2009. – 280 p.
10. Daley K. A. Vietnamese Classifiers in Narrative Texts / K. A. Daley ; The Summer Institute of Linguistics and The University of Texas at Arlington. – Texas : University of Texas, 1998. – 209 p.
11. *Death and Bereavement across Cultures* / edited by C. Parkes, P. Lounгани, B. Young. – London : Routledge, 2003. – 261 p.
12. Hofstede G. *Cultures Consequences : Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations* / G. Hofstede ; 2nd Edition. – California : Sage Publications, 2001. – 311 p.

13. *International Differences in Well-Being* / edited by E. Diener, D. Kahneman, J. Helliwell. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 350 p.
14. *Inuit Language : Greenlandic Language, Inuit Grammar, Inuktitut, Inuit Phonology, Inupiaq Language, Inuvialuktun, Inuktitut Syllabics* / Wikipedia. – Books LLC, 2011. – 26 p.
15. *Judaism and Islam – Boundaries, Communication and Interaction : Essays in Honor of William M. Brinner, B. Hary, J. Hayes and F. Astren* [eds.]. – Leiden, Boston and Köln : Brill, 2000. – XLIII, 438 p.
16. *Khalil E. N. Grounding in English and Arabic News Discourse* / E. N. Khalil. – Amsterdam : John Benjamin, 2000. – 274 p.
17. *Korean Language in Culture and Society* / edited by Ho-Min Sohn. – Honolulu : University of Hawaii Press, 2006. – 312 p.
18. *Kovecses Z. Metaphor and Emotion : Language, Culture, and Body in Human Feeling* / Z. Kovecses. – Cambridge : Cambridge University Press, 2000. – 244 p.
19. *Kovecses Z. Metaphor in Culture : Universality and Variation* / Z. Kovecses. – New York, Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – 314 p.
20. *Kübler-Ross E. Death : The Final Stage of Growth* / E. Kübler-Ross. – New York : Simon and Schuster Inc., 1986. – 181 p.
21. *Ladefoged P. Vowels and Consonants* / P. Ladefoged, S. F. Disner ; 3rd Edition. – West Sussex : Wiley-Blackwell, 2012. – 230 p.
22. *Lakoff G. Metaphors We Live By* / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 1996. – 242 p.
23. *Lee I. The Korean Language* / I. Lee, S. R. Ramsey. – New York : State University of New York, 2000. – 374 p.
24. *Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages* // edited by G. Diewild, E. Smirnova. – New York : Walter de Gruyter, 2010. – 371 p.
25. *Miller F. P. Japanese Honorifics* / F. P. Miller, A. F. Vandome, J. McBrewster. – Cologne : VDM Publishing, 2010. – 80 p.
26. *Miller F. P. The Japanese Language : Where have all the pronouns gone?* / F. P. Miller. – London : Ruthrek, 2001. – 24 p.
27. *Perkins R. Deixis, Grammar, and Culture* / R. Perkins. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 1992. – 245 p.
28. *Po-Ching Y. Chinese : A Comprehensive Grammar* / Y. Po-Ching, D. Rimmington. – New York : Routledge, 2003. – 448 p.
29. *Quindi F. Visual Anthropology* / F. Quindi. – Walnut Creek : AltaMira Press, 2004. – 293 p.
30. *Roberts J. Chinese Mythology A to Z* / J. Roberts. – New York : Chelsea House, 2010. – 172 p.

31. *Sapir E. Culture, Language and Personality* / E. Sapir ; ed. D. G. Mandelbaum. – Berkeley, CA : University of California Press, 1958. – 207 p.
32. *Studies in Evidentiality* / edited by A. Y. Aikhenvald and R. M. W. Dixon. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2003. – 347 p.
33. *Tense Across Languages* / ed. by R. Musan, M. Rathert. – Berlin : Walter de Gruyter, 2011. – 262 p.
34. *Whorf B. Language, Thought and Reality* / B. Whorf ; ed. J. B. Carroll. – Cambridge, MA : MIT Press, 1956. – 278 p.

© Мильруд Р. П., 2012

Symbolization of Culture in Language

R. Millrood

The article interprets the idea which is well-known in modern linguistics – the culture reflection in the language. The author suggests distinguishing such carriers of cultural information as linguistic marks, linguistic benchmarks and language codes. The data provided in the article can be used for development of linguistic courses for students majoring in Theory and Methods of Teaching Foreign Languages and Cultures.

Key words: symbol of culture; vectors of culture; measurements of culture; cultural marks; cultural benchmarks; cultural codes.

Мильруд Радислав Петрович, доктор педагогических наук, профессор, кафедры международной профессиональной и научной коммуникации Тамбовского государственного технического университета (Тамбов), rad_millrood@mail.ru.

Millrood, R., Doctor of Pedagogical Sciences, professor, Department of International Professional and Scientific Communication, Tambov State Technical University (Tambov), rad_millrood@mail.ru.